

ОЛЕНЬ КАК СИМВОЛ САМОБЫТНОСТИ АРКТИЧЕСКИХ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР В АВТОРСКОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНО

REINDEER AS A SYMBOL OF IDENTITY OF ARCTIC NOMADIC CULTURES IN AUTHOR DOCUMENTARY FILMS

Аннотация. Статья посвящена изучению образа северного оленя в этнографическом документальном кино Якутии. Источниками экранного образа оленя послужили современные авторские кинокартины, снятые в трех арктических улусах Республики Саха (Якутия), где проживают северные якуты, эвены и долганы. Оленеводство, которое является основным этнообразующим видом производства в арктических улусах, позволило сохранить традиционную кочевую культуру народов. Цель исследования – выявить особенности образа-символа оленя в документальных фильмах. В ходе исследования было установлено многоаспектное представление образа оленя на экране. В фильмах ярко представлена особая роль оленя в духовной культуре малочисленных народов. Режиссеры уделяют большое внимание кулинарному описанию, поскольку олень является одним из источников питания. Являясь средством передвижения, олени в кадрах противопоставляются такому символу техногенной культуры, как снегоход. Сюжеты, изображающие народных мастериц, национальную одежду, говорят о влиянии роли оленя в быту на развитие его образа в культуре. Как в материальной, так и в духовной культуре олень и человек пространственно равноценны. Коренные народы Севера наделяют оленя человеческими качествами, одухотворяют и ценят его внешние качества. Тем самым, исследование киноматериалов в рамках анализа дискурса в настоящее время представляется перспективным направлением.

Ключевые слова: северный олень, образ-символ, арктическая кочевая культура, этнографический фильм, кадр, языковое сознание эвенов.

Abstract. The article is devoted to the study of the image of the reindeer in the ethnographic documentary films of Yakutia. The sources of the on-screen image of the deer were modern author's films made about three Arctic regions of the Republic of Sakha (Yakutia), where the Polar Yakuts, Evens and Dolgans live. Reindeer husbandry, which is the main ethno-forming type of agricultural production in the Arctic regions, has made it possible to preserve the traditional nomadic culture of peoples. The purpose of the study is to identify the features of the deer image-symbol in documentary films. In the course

¹ Горохова Анна Ивановна – к.филол.н., доцент, СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: anna_gorokhova@mail.ru
Gorokhova Anna Ivanovna – Candidate in Philology, Associate Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

of the study, a multifaceted representation of the image of a deer on the screen has been established. The films vividly represent the special role of the deer in the spiritual culture of northern minorities. The directors pay great attention to the culinary description, since the deer is one of the sources of food. Being a means of transportation, deer in the films is opposed to such a symbol of technogenic culture as a snowmobile. Plots depicting folk craftswomen, national clothes, speak of the influence of the role of a deer in everyday life on the development of its image in culture. Both in material and spiritual culture, deer and man are spatially equivalent. The indigenous peoples of the North endow the deer with human qualities, spiritualize and value its appearance.

Keywords: *reindeer, image-symbol, arctic nomadic cultures, ethnographic film, picture, linguistic consciousness of the Evens.*

В современных этнографических фильмах как кинодокументе о культурах изображаются в основном культурно-стереотипные символы – «символы современности, понятные всем представителям данной культуры, с прозрачным либо полупрозрачным основанием переноса» [12, с. 19]. К настоящему времени этнокино о Севере имеет определенную традицию развития, начиная с творчества Роберта Флаэрти «Нанук с Севера» [11]. Однако этнографические фильмы, как ценный источник формирования и трансляции представлений о традиционной культуре народов Севера, как средство, с помощью которого на современном этапе во многом поддерживается и воспроизводится наше восприятие северных культур, остаются малоизученными [3].

Якутские документальные фильмы, отражающие явления традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, на сегодняшний день представляют уникальный источник информации. Работы якутских кинематографистов, которые сами являются коренными жителями Якутии, отмечены особым видением северной культуры. В статье рассмотрены три этнографических фильма, которые были представлены на различных кинофестивалях российского и международного уровня и неоднократно удостоивались премий и наград – «24 снега» М. Барынина (2016 г., 93 мин), «Хозяйка чума» Е. Избековой и Г. Раевской (2016 г., 44 мин) и «Хранители тундры» С. Барабановой и Д. Худяевой (2017 г., 64 мин). Фильмы повествуют о жизни оленеводов Эвено-Бытантайского, Оймяконского и Анабарского национального (долгано-эвенкийского) улусов Якутии соответственно. Герои фильмов – представители разных арктических кочевых культур: северные якуты, эвены и долганы.

Данные народы сохранили свою традиционную культуру именно благодаря такой этнообразующей отрасли производства, как оленеводство. Поэтому северный олень является центральной фигурой арктической кочевой культуры и главным этническим символом, позволяющим идентифицировать изучаемый регион. Этнические символы находят отражение в представлениях не только о материальной культуре этнической группы (главным образом, об основном

хозяйственном промысле), но и о духовной культуре. Символ северного оленя не только ассоциируется с материальной основой жизни кочевых народов, он также восходит к духовным представлениям. Олень – древний символ солнца. У центрально-азиатских предков якутов (самоназвание «саха») существовал культ оленя, олицетворение древнего солнечного божества *сах* [2, с. 37]. Солнечными оленями назывались и у эвенов-оленьеводов. По их представлениям, во время летнего солнцестояния человек, вышедший за «Небесные ворота во время обряда встречи солнца и нового года («Небесные ворота» открывались только 22, 23, 24 июня в день летнего солнцестояния), превращается в птицу-оленья, а потом уже в птицу стерха-оленья» [1, с. 13–19].

В исследуемых документальных кинолентах образ оленя представлен в разных аспектах.

Олень испокон веков занимал особое место в духовной культуре коренных народов Севера. Это нашло отражение в эпизоде, который является зачином и концовкой в этнографической ленте «24 снега». Главный герой фильма Сергей Лукин пересказывает свой детский сон. Сон, как говорит М. Ю. Лотман, – это «нереальная реальность» [7, с. 124]. Сергей так повествует о своем сне: *Оҕо эрдэһпинэ биирдэ түһээн турабын. Түүл эбитэ дуу, бриэдьилээһин эбитэ дуу. Оччолорго Адыаччыга олорор этибит. Утуйуом иннинэ аҕам таба этин киллэрэн оһох кэтэбэр уурбута. Арай түүн уһуктан кэллим. Ааным арыллан кэллэ. Уһугуннаһына табам миэхэ утары хааман киирдэ. Куттанаммын суорбаан анныгар түһэн хааллым. Кэтэхэ түһэн бараммын, арай суорбаан быһыһынан көрдөхпүнэ табам мин диэки өссө чугаһаан кэллэ.* – ‘Тогда мы жили в Адыаччы. Прежде чем лечь спать, отец занес в дом мерзлую тушу оленя и поставил за печкой, чтобы оттаяла. Я ночью внезапно проснулся, дверь вдруг открылась, ко мне навстречу шел олень. От страха я спрятался под одеяло. Чуть подождав, выглянул из-под одеяла, олень подошел еще ближе...’ («24 снега»). Детский сон как окно в будущее позволяет связать прошлое, настоящее и будущее героя. Образ оленя во сне наталкивает на мысль о сохранении кочевой культуры северных якутов, поскольку оленеводство является одним из основных видов традиционного хозяйства. Возможно также, что в образе оленя во сне к герою картины обращаются его предки, как напоминание о том, что он является связующим звеном, передающим новому поколению традиции и обычаи, основы традиционного уклада жизни своего народа. Как пишет М. В. Пименова: «Возможное объяснение тому, что человек, его составляющие концептуализируются при помощи признаков птиц, животных и насекомых, заключается в природе тотемизма, когда предки людей, говорящих на одном языке, приходили к живым в виде родовых животных-помощников [8, с. 87]. Примечательным является и то, что данный сон Сергей видел именно зимой. У народов Севера мифические предки «оживают» в обрядах и снах в зимнее время, период холода и стужи [9, с. 256].

С глубокой древности олень давал северным народам все необходимое для кочевой жизни, а главное – питание. В этом плане ярко представлен в рассматриваемых этнографических фильмах гастрономический код Севера – кровяная оленина колбаса (якут. *субай*), внутренности оленя, язык, оленина. В «сочных» фактурных кадрах фильмов, когда главная героиня фильма «Хозяйка чума» эвенка Александра Черкашина готовит еду, где жирная оленина или олений язык с сосисками наделяются такими дополнительными качествами, как запах и вкус. Зритель словно вместе с эвенкой семьей на экране дегустирует северные деликатесы. Кулинарному описанию в фильмах уделяется достаточно много времени ввиду того, что одной из самых устойчивых культурных особенностей человека являются пищевые предпочтения. *Саамай аһылыкпыт – этинэн. Сарсыарда тур эттээх гарнирдаах ыһаары, эбэхэт сииллэр. Миммитин биһиги күнүс иһэбит. Мээнэ эти ыһаарылаан биирдэ эмит сииллэр. Наар гарнирдаах. Онтукан тотоойу даҕаны, оннук үөрэнэн хааллахтара дии. Сарсыарда эрдэ туран аһылыгы бэлэм гынабын. Табаттан кэллэхтэринэ аһын бэлэм буолуохтаах күттэрбэккэбин. Күүтэн олордохторуна табалара куотар буоллахтара дии.* – ‘Мясо – наша главная еда. Утром обязательно готовим мясо с гарниром. Суп привыкли есть днем, потом опять жаркое. Просто так мясо редко едим, с гарниром сытнее. Горячая еда у нас всегда готова с раннего утра. Еду заранее готовим к приходу оленеводов. Им ждать не приходится, иначе олени разбегутся’ («Хозяйка чума»).

Долганы в фильме «Хранители тундры» говорят, что в пищу оленя употребляют полностью, без отходов. *Хаан ылабыт дьоммутугар оҕолорбутугар сибиһэй таба силитин охсоннун, бана иһин ырастаанньын, мин онгорон. <...> Табаттан туох да хаалара суох. Барытын сиийбит биһиги. Хаанын, силиитин, быэрын да сиикэрдэ сиигин. Муоһун манньк сизэххин сөп. Билигин манньк тундраҕа, хонууга сизэххин сөп. Аччыктаатаххына, дьиэҕар успейдаан тийбэтэххинэ оннук манньк балаһыннаҕа түбэстэххинэ, муоһунан да аһы сыльдяххын сөп. Мээнэ оннук сылдан, ууну иһэн.* – ‘А вот кровь, мясо и костный мозг – все свежее. Из внутренностей суп приготовим. <...> От туши оленя ничего не оставляем. Все едим. По старинке кровь, костный мозг, печень в сыром виде. Вот, например, рога жарим на огне. Вдруг окажешься в тундре без еды, если домой не можешь приехать, можно питаться только ими и воду пить’ («Хранители тундры»).

В былые времена мясо домашних оленей служило значительным подспорьем в случае скудной охоты, поэтому оленеводы опасались потерять оленей. От них зависела жизнь людей. Борьба на Севере ведется не только со стихией, но и с дикими животными, такими, как медведь, волк, орел, которые, нападая на оленей, сокращают их численность. *Билигин саамай булуур – кырдыаҕас. Табыста да кинини бултаһан тахсар.* – ‘Самый беспощадный медведь. Как выйдет из берлоги, житья не дает’ («Хозяйка чума»).

Как основное средство передвижения по бездорожью тундры и тайги со сложным рельефом местности олень незаменим во все времена года. Корен-

ные народы Севера используют верховое, упряжное и вьючное оленеводство. В нарты обычно запрягают двух оленей. Ездовых оленей кастрируют. В фильме «Хранители тундры» демонстрируется весьма символический эпизод праздника оленевода, знаковым моментом которого являются гонки на оленьих упряжках. В качестве приза победитель гонок получает снегоход. Снегоход и олень являются двумя противопоставленными символами. Снегоход и прочая мототехника символизируют цивилизацию, техногенную культуру, в то время как олень – символ самобытности кочевой арктической культуры. С появлением механического транспорта в тундре снизилась кочевая мобильность. Эти изменения произошли стихийно, как следствие адаптации к новым социально-экономическим условиям. Однако они вошли в противоречие с экологической функцией кочевой мобильности.

Высокая роль оленя в быту и жизни коренного населения арктической Якутии во многом повлияла на развитие его образа в культуре. Для традиционной культуры коренных народов характерно украшать различные предметы орнаментами в виде оленя. В кадрах фильма «Хранители тундры» национальная одежда долган отличается богатой меховой и кожаной отделкой, ярким орнаментальным декором. Долганская мастерица рассказывает: *Атын омуктартан долганнар уратыбыт диэн сэттэ өгү дьүкээбилбитин көрөбүт Ити кыһын тымныйда да дьүкээбил араас өгүнэн оннуур. Ону көрөн тагаспытыгар саппытыгар былыр былыргыттан түһэрэллэр эбит. Аны бу оһуордарбыт тус туспа значенияла. Холобура, бу дьахтар кэтэр бэргэһэтэ. Бу ураһабыт - олорор дьиэбит. Аны бу икки өг баар - маҕан, хара, ити табабыт суола буолар. Онтон бу халлан күөбэ – халлааммыт, кыһыла – күммүт, маҕана - хаарбыт буолар.* – 'В отличие от других народов долганы используют семь цветов северного сияния. Наши предки, наблюдая зимой за северным сиянием, перенесли его цвета на свою одежду, украшения. Все узоры имеют свое значение. Вот, например, женская шапка. Этот рисунок в форме урасы – олицетворение нашего дома. А эти два цвета – белый, черный – это следы оленя на снегу. Голубой – цвет неба, красный – солнце, белый – снег'. Зимняя повседневная одежда современных коренных народов Севера – это унты или торбаза из оленьих камусов, шуба из оленьих шкур, штаны из оленьих шкур, меховые рукавицы. Традиционный костюм является частью семиотического целого, одним из текстов традиционной культуры, сохраняющим и передающим информацию о духовной культуре этноса, а также выражением универсального семиотического комплекса представлений картины мира.

В культуре арктических кочевых народов олень является неизменным спутником человека на протяжении всей его жизни. Он предстает другом и помощником человека. В целом на Севере природа и человек едины, человек – дитя природы. У северных народов существует особый тип восприятия природы. На первое место выходят доверительные отношения с ней. Пространственно равноценными считаются люди, птицы, звери, животные, насекомые. Труд оленево-

да раскрывается в единении человека и природы. В фильме «Хранители тундры» олени для маленьких долганских девочек словно их лучшие друзья. Они называют их забавными именами – Кенгуру, Розочка, Лунтик, Тугут (якут. Олененок), Генка, а в фильме «Хозяйка чума» старую самку оленя зовут Мааны (якут. Любимая). В фольклоре эвенов олень всегда выступает помощником и советником главного персонажа и наделяется необычными характеристиками, способностью понимать человеческую речь и разговаривать. Олени считаются сообразительными животными. Об этом говорит следующее описание: *«В это время олени ищут тень. Встают на гору. До захода солнца стоят на одной стороне горы. Когда тень исчезает, перемещаются на другую сторону горы»* («Хозяйка чума»).

Долганы говорят, что олени притягивают. Это, возможно, объясняет, почему они до сих пор разводят их: *«Оленю в глаза посмотришь – успокаиваешься. Какая-то сила в них есть, притягивает»* («Хранители тундры»). В рассматриваемых фильмах крупным планом изображается глаз оленя, что символизирует, возможно, наличие у них души. Кроме того, олени входят в круг основных эстетических ценностей. Глаза оленя используются в метафорическом описании красоты девушки. Говоря о девушке с красивыми глазами, в эвенском языке используется выражение *орамдас ясалалкан асаткан* ‘девушка с оленьими глазами’. У эвенов образ красивой девушки ассоциируется также с белым оленем *гилтаня оран*, который считается в культуре эвенов священным [6, с. 131]. Камера оператора избирательно следит за белым оленем в стаде («Хозяйка чума»). Белый олень у народов Евразии считается шаманским или жертвенным оленем, которого приносили в жертву Верхним божествам [1, с. 13–19].

Символические кадры оленей и чума проводят взаимосвязь между ключевыми символами, означающими, что олени – главный атрибут жизни на Севере: это и транспорт, и еда, и, в целом, источник жизни. Повторяющиеся акцентные кадры чума, оленей, метания аркана-маута как символического жеста, ледохода как момента смены сезонов года ритмически организуют и структурируют пространство кинофильмов. Долганы говорят: *Таба баарын тухары Анабар оройон баар буолар. Таба киһи баарын тухары тыннаах. Табаһытын эмиэ оннук. Таба баарын тухары үлэлээх*. – «Анабарский улус жив, пока олень жив. Олень жив, пока человек жив. И человек жив, пока олень жив» («Хранители тундры»).

Все вышесказанное подтверждают результаты ассоциативного эксперимента, проведенного в 2016 г. среди эвенов с. Ючюгей Оймяконского улуса Республики Саха (Якутия). Всего в эксперименте приняли участие 100 человек.

Ассоциативное поле слова стимула *оран* (олень) составляет 100 реакций, которые мы распределили по частотности: хина (быстрый) – 10, бэлэмнэ (помощник) – 10; гилталли (белый) – 8, гя (друг) – 8, буди (пятнистый) – 8; няривла (гордый) – 6, нод (красивый) – 6, дюмда (домашний) – 6, тагня (рога) – 6; эни (сильный) – 5, нанра (шкура) – 5; мэни (дикий) – 4, чикти (шустрый) – 4; немэт

(панты) – 3; эгден (большой) – 2, унта (унты) – 2, далра улрэ (вкусное мясо) – 2, ааллык (упряжка) – 2; Атаман – 1, Ослик – 1, машина – 1.

Методом «семантического гештальта (по Ю. Н. Караулову), «который отражает внутреннюю семантическую организацию ассоциативного поля и характеризует поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурной реальностью» [4], мы выявили 7 семантических зон. Для выделения в структуре поля ядра и периферийной зоны был использован «индекс яркости», т. е. количество реакций на данный стимул от общей суммы реакций. Согласно И. А. Стернину, в ядро входят реакции с индексом яркости не менее 0,12–0,15; ближняя периферия — 0,10–0,04; дальняя периферия — 0,03–0,02; крайняя периферия — яркость 0,01 и ниже [10].

1. белый 8, пятнистый 8, красивый 6, гордый 6, большой 2 – ИЯ 0,30;
2. быстрый 10, сильный 5, шустрый 4 – ИЯ 0,19;
3. помощник 10, друг 8 – ИЯ 0,18;
4. рога 6, шкура 5, панты 3, вкусное мясо 2, унты 2 – ИЯ 0,18;
5. домашний 6, дикий 4 – ИЯ 0,10;
6. упряжка 2, машина 1 – ИЯ 0,03;
7. Атаман 1, Ослик 1 – ИЯ 0,02.

Таким образом, в ядро поля входят первые четыре группы, остальные группы относятся к периферии. Значимыми признаками, определяющими ядерную семантику в языковом сознании эвенов, являются: внешнее описание животного, его физические качества, отношение между человеком и животным, продукция. Наиболее распространенные ассоциаты «быстрый», «помощник», «белый», «пятнистый» раскрывают лучшие качества оленя, которые ценят малочисленные народы Севера. К ближней периферии относится семантическая зона, которая включает разновидности северного оленя. К дальней периферии относятся две группы, связанные со средствами передвижения и наименованием животного. Семантическая зона, определяемая как крайняя периферия, отсутствует.

Таким образом, изучение таких этнографических источников, как современные документальные фильмы, повествующие об укладе коренных малочисленных народов Севера, является достоверным и информативным инструментом получения знаний. Образ северного оленя, изображенный на экране, полностью соответствует представлениям в сознании самих коренных жителей Арктики. И, несмотря на происходящие глобальные изменения, на примере такой этнообразующей отрасли, как оленеводство, можно утверждать, что арктические кочевые культуры не утратили своей самобытности, а авторское этнографическое кино, запечатлевшее эти культуры, является ярким тому подтверждением.

Литература

1. Алексеев, А. А. Обычаи и обряды, связанные с оленем, и некоторые проблемы domestikации северного оленя в Якутии / А. А. Алексеев // Природные ресурсы Арктики и Субарктики : Наука и образование. – 2014. – №3. – С. 13–19. – ISSN 2618-9712.
2. Гоголев, А. И. Истоки мифологии и древний календарь якутов / А. И. Гоголев. – Якутск : Издательство ЯГУ, 2002. – 104 с.
3. Головнев, И. А. Этнокино о севере : история и современность. Притяжение севера: язык, литература, социум [в 2 ч.] : материалы I Международной научно-практической конференции : науч. электрон. изд. / И. А. Головнев, Е. В. Головнева ; Министерство образования и науки РФ ; ФГБОУ ВО Петрозаводский государственный университет. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018. – С. 357–362.
4. Караулов, Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей ; ответственный редактор Н. В. Уфимцева. – Москва, 2000. – С. 196–197. – URL : https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-1.html.
5. Кочевники Арктики : текстово-визуальные миниатюры / А. В. Головнев [и др.]. – Екатеринбург : Альфа Принт, 2015. – 132 с ; 104 ил. – ISBN 978-5-905617-36-2.
6. Кузьмина, Р. П. Образные признаки концепта «олень» в языковой картине мира эвенов / Р. П. Кузьмина // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Т.12, № 4. – С. 131.
7. Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман – Москва : Гнозис ; издательская группа «Прогресс», 1992. – 272 с.
8. Пименова, М. В. Душа и дух : особенности концептуализации / М. В. Пименова // Кемерово : Графика. – 2004. – 386 с.
9. Романова, Е. Н. Антропология холода : методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) / Е. Н. Романова, О. Э. Добжанская // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2019. – № 35. – С. 255–263.
10. Стернин, И. А. Некоторые актуальные проблемы современной концептологии / И. А. Стернин // Лингвоконцептология, вып. 2. – Воронеж : Истоки, 2009. – С.26.
11. Флаэрти, Р. Статьи. Свидетельства. Сценарии / Р. Флаэрти. – Москва : Искусство, 1980. – 224 с.
12. Шелестюк, Е. В. Семантика художественного образа и символа (на материале англоязычной поэзии XX века) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шелестюк Елена Владимировна ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 1998. – 209 с.

References

1. Alekseev, A. A. Obychai i obryady, svyazannye s olenem, i nekotorye problemy domestikacii severnogo olenya v Yakutii / A. A. Alekseev // Prirodnye resursy Arktiki i Subarktiki : Nauka i obrazovanie. – 2014. – №3. – S. 13–19. – ISSN 2618-9712.
2. Gogolev, A. I. Istoki mifologii i drevnij kalendar yakutov / A. I. Gogolev. – Yakutsk : Izdatelstvo YAGU, 2002. – 104 s.
3. Golovnev, I. A. Etnokino o severe : istoriya i sovremennost. Prityazhenie severa: yazyk, literatura, socium [v 2 ch.] : materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii : nauch. elektron. izd. / I. A. Golovnev, E. V. Golovneva ; Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF ; FGBOU VO Petrozavodskij gosudarstvennyj universitet. – Petrozavodsk : Izdatelstvo PetrGU, 2018. – S. 357–362.
4. Karaulov, Yu. N. Pokazateli nacionalnogo mentaliteta v asociativno-verbalnoj cepi / Yu. N. Karaulov // Yazykovoe soznanie i obraz mira. Sbornik statej ; otvetstvennyj redaktor N. V. Ufimceva. – Moskva, 2000. – S. 196–197. – URL : https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-1.html.
5. Kochevniky Arktiki : tekstovo-vizualnye miniatyury / A. V. Golovnev [i dr.]. – Ekaterinburg : Alfa Print, 2015. – 132 s ; 104 il. – ISBN 978-5-905617-36-2.
6. Kuzmina, R. P. Obraznye priznaki koncepta «olen» v yazykovoj kartine mira evenov / R. P. Kuzmina // Sovremennye issledovaniya socialnyh problem. – 2020. – T.12, № 4. – S. 131.
7. Lotman, Yu. M. Semiosfera. Kultura i vzryv / Yu. M. Lotman – Moskva : Gnozis ; izdatelskaya gruppa «Progress», 1992. – 272 s.
8. Pimenova, M. V. Dusha i duh : osobennosti konceptualizacii / M. V. Pimenova // Kemerovo : Grafika. – 2004. – 386 s.
9. Romanova, E. N. Antropologiya holoda : metodologiya, koncepty, obrazy (na primere kulturnyh tradicij korenyh narodov Severa i Arktiki) / E. N. Romanova, O. E. Dobzhanskaya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie. – 2019. – № 35. – S. 255–263.
10. Sternin, I. A. Nekotorye aktualnye problemy sovremennoj konceptologii / I.A. Sternin // Lingvokonceptologiya, vyp. 2. – Voronezh : Istoki, 2009. – S.26.
11. Flaerti, R. Stati. Svidetelstva. Scenarii / R. Flaerti. – Moskva : Iskusstvo, 1980. – 224 s.
12. Shelestyuk, E. V. Semantika hudozhestvennogo obraza i simvola (na materiale angloyazychnoj poezii XX veka) : specialnost 10.02.04 «Germanskije yazyki» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Shelestyuk Elena Vladimirovna ; Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet. – Moskva, 1998. – 209 s.